

О ЛЮДЯХ, ПРЕОБРАЗОВАННЫХ КАТАСТРОФой

ABOUT PEOPLE TRANSFORMED BY CATASTROPHE

Кара-Мурза Сергей Георгиевич, д. хим. наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН. e-mail: skaramur@rambler.u

Kara-Murza Sergey Georgievich, Doctor of Chemistry, Professor, Senior Research Associate, e-mail: skaramur@rambler.u

Аннотация. Кризисы и социальные катастрофы наносят населению культурную травму, она дестабилизирует рациональное сознание, и вся духовная сфера переходит в состояние неустойчивого равновесия. Возникает массовая аномия, распадаются институты и системы ценностей. Контроль над сознанием и поведением сдвигается от рациональности к психике. Иррациональное становится неопределенным или непредсказуемым. Крайний вариант — развитие магического мышления с бредоподобными мистическими идеями. Сплачиваются группы *in statu nascendi* (т.е. в состоянии возникновения) с вспышками необычной энергии, в т.ч. насилием, даже изуверством. История накопила огромный материал описания таких состояний. Процессы в нашем обществе и их тенденции требуют от социологии и политологии вникнуть в эти аспекты.

Abstract. Crises and social catastrophes incur cultural trauma to the population, which in its turn destabilises rational thinking and brings psychological sphere of the society into unstable balance. Massive anomaly emerges, institutes and value systems fall apart. Control over consciousness and behaviour is moved from rationality to psyche. Irrational becomes undetermined and nonpredictable. The extreme case — development of magic thinking with delirious mystic ideas. Groups *in statu nascendi* (i.e. in the process of formation) come together accompanied with flashes of unusual energy, including violence and barbarity. The history accumulated enormous materials describing such situations. Due to such processes in our society and related trends sociology and politology needs to go deep into these aspects.

Ключевые слова: культурная травма, кризисы и катастрофы, нормы и ценности, разум и психика, мессианское мышление, общности *in statu nascendi*, неустойчивое равновесие, аномия, изуверство, история, опыт России

Key words: Cultural trauma, crises and catastrophes, norms and values, intellect and psyche, messianic thinking, groups *in statu nascendi*, unstable balance, anomaly, barbarity, history, Russian experience.

Культурные кризисы со сдвигами в системе ценностей происходят в результате сильной культурной травмы. После перестройки

и «бархатных революций» эта категория вошла в социологию как обозначение необходимого фактора для анализа кризисных явлений в обществе. Такая травма дестабилизирует рациональное сознание, и вся духовная сфера переходит в состояние *неустойчивого равновесия*, возникает «подвижность отношений и правил».

Это — точка бифуркации, в которой вся система «чаяний» некоторых общностей может быть при малом усилии сдвинута в иной коридор. Для этого всегда имеются исторические предпосылки, но не они являются причиной неожиданных изменений вектора мыслей целых народов. Рассудительные немцы не собрались бы под флагом фашизма из-за того, что кучка интеллектуалов читала Ницше, хотя это кто-то может посчитать предпосылкой. Но более правдоподобно, что точкой бифуркации стала культурная травма унижения Германии после поражения в войне и последовавший кризис.

Катастрофическое изменение системы — вот что порождает такие необычные выбросы энергии, которых никто и не мог вообразить. В состоянии неустойчивого равновесия «все старое начинает раскачиваться, а все новое, еще неопределенное, заявляет о себе и становится возможным». Это — суждения С. Московичи в его книге «Машина, творящая богов» (1988) [1].

В предисловии к ее русскому переводу А.В. Брушлинский и П.Н. Шихирев пишут, что Московичи в своей модели общества «на первый план выдвигает его динамические, а не статические, структурные, свойства. Общество по Московичи — это система динамичных отношений, нечто текучее, непрерывно изменяющееся и потому сопоставимое с психикой, с динамизмом страстей и верований, составляющих суть душевной жизни реального человека» [1, с. 8].

Другими словами, нельзя описать «население» (человеческие общности) только посредством социальными и экономическими индикаторами — социальное и психическое неразрывно связаны. В стабильные периоды обе эти ипостаси человека в массе мирно сосуществуют, а девиантное поведение отдельных личностей воспринимается как неприятная аномалия. Но неожиданные обширные кризисы, социальные бедствия и катастрофы потрясают сознание, и духовная сфера значительной части населения получает «контузию». Возникают большие общности с «измененным сознанием». Картина мира этих людей сдвигается к иррациональному, поведение становится неопределенным или непредсказуемым.

Видный российский психиатр Ю.А. Александровский пишет о травмах социальных потрясений: «Известный немецкий пси-

хиатр и философ Карл Ясперс проанализировал изменения психического состояния населения Германии после её поражения в I Мировой войне. Он сопоставил их с психическими явлениями в неспокойные времена среди населения других стран — после эпидемии чумы в XIV веке в Европе, во время Великой французской революции, а также после революции 1917 года в России. Ясперс пришёл к заключению, что наблюдаемые в такие периоды глубокие эмоциональные потрясения касаются всех. Они “воздействуют на людей совершенно иначе, чем потрясения сугубо личного свойства”. В первую очередь происходит “девальвация ценности человеческой жизни. Это выражается в равнодушии к смерти, снижении чувства опасности в угрожающих ситуациях, готовности жертвовать жизнью без всяких идеалов”. Наряду с этим Ясперс отмечает “неуёмную жажду наслаждений и моральную неразборчивость» [2].

Сходные выводы сделал Г. Юнг¹. Наблюдая за немцами, он написал уже в 1918 г., задолго до фашизма: «Возрастает опасность того, что “белокурая бестия”, мечущая ныне в своей подземной темнице, сможет внезапно вырваться на поверхность с самыми разрушительными последствиями» (см. [3, с. 231]). В 1946 г. он признал в эпилоге к своему трактату «Вотан» (1936): «Германия поставила перед миром огромную и страшную проблему... Поведение немцев в целом ненормально; если бы это было не так, нам уже давно пришлось бы признать подобную форму войны нормальным положением вещей» — именно как результат I Мировой войны [3, с. 231, 238].

Явления этого типа различаются масштабом и оттенками в разных культурах, но ядро их структуры в главном одно и то же. Люди, пережившие катастрофу и получившие сильную культурную травму (см. [5]), впадают в аномию (см. [6]).

Ю.А. Александровский так классифицирует травмы современной российской реформы: «[После 1991 г.] наступил экономический и политический хаос, породивший безработицу, миллионы беженцев, значительное расслоение по уровню материальной обеспеченности. Эти причины, а главное, затянувшийся характер негативных социальных процессов привели к распаду привычных социальных связей, множеству мелких конфликтов внутри человека и при общении с другими членами общества... Отсюда — тревожная напряжённость и развитие “кризиса идентичности личности”...

¹ Юнг объяснял это в логике концепции архетипов и психологии бессознательного. Не будем их разбирать: здесь для нас ценны прежде всего его наблюдения самих явлений. Они совпадают с наблюдениями других философов и социологов.

Выделяют три варианта расстройств. Первый выражается в апатии, отчуждённости, чрезмерной тревожности или депрессии. Второй вариант — разрушительная, направленная вовне агрессия. Третий вариант — развитие магического мышления со сверхценными (бредоподобными) идеями мистического, иррационального содержания» [2].

Юнг писал (1937): «Никогда нельзя быть уверенным в том, что новая идея не захватит нас или наших соседей. Как современная, так и древняя история учит нас, что подобные идеи иногда настолько странны и даже причудливы, что просто бросают вызов разуму. Завораживающее воздействие, почти неизменно свойственное идеям такого рода, порождает фанатическую одержимость; в результате все несогласные — независимо от степени своей благонамеренности или рассудительности — сжигаются заживо, подвергаются обезглавливанию или массовому уничтожению с помощью более современного автоматического оружия. Нам не дано даже утешиться мыслью о том, что подобные вещи принадлежат далекому прошлому. К сожалению, они по всей видимости принадлежат не только настоящему, но и — в особенности — будущему...

Изменения характера, обусловленные всплеском коллективных сил, поистине удивительны. Сдержанное и рассудительное существо может превратиться в маньяка или дикаря» [3, с. 235–236].

Это — проблема социальной психологии: «Воля индивида, загипнотизированного тем, что он считает своей миссией, может привести к экстремальному разрушению и резне. Мы видели это на примере Гитлера в Германии, Пола Пота в Камбодже» [1].

Здесь мы кратко рассмотрим третий вариант сдвига в результате культурной травмы — «развитие магического мышления со сверхценными (бредоподобными) идеями». Россия, Украина, Сирия и все нынешние кризисные общества находятся в состоянии, в котором действуют генераторы людей со «сверхценными идеями мистического, иррационального содержания», с разной интенсивностью и в разном масштабе. Старшее поколение было свидетелем, каким невыносимым было потрясение перестройки: сжигание живыми турок-месхетинцев в Ферганской долине, погромы в Сумгаите и война в Нагорном Карабахе с массовым убийством беженцев, обстрел Бендер с системой «Град» и жестокая гражданская война в Таджикистане, война в Чечне и разгром Верховного Совета РФ в октябре 1993 года. И теперь — невыносимая волна насилия на Украине.

Перестройка и ликвидация СССР со всех его институтов нанесли всему населению культурную травму. В 1988 г. даже в Эстонии

реформаторы еще не думали о ликвидации СССР, требовали «республиканского хозрасчета», а в 1991 г. там, где был организован референдум, 76,4% проголосовали за сохранение СССР. Потрясение слома общественного строя, социальная катастрофа «реформ» породили множество новых социокультурных общностей: олигархов и бездомных, нищих и «челноков», дворян и гопников. Масса людей, выброшенных из общества и организованного производства, опустилась в болезни и угасание.

Но особая часть — активные радикалы, которые рвутся силой улучшить мир или хотя бы его уничтожить. Социолог Н.С. Седых, изучающая методы вербовки террористов, пишет: «Мотивационной доминантой “экстремистского сознания” является вера в обладание высшей, единственной истиной, уникальным рецептом “спасения” своего народа, социальной группы или всего человечества...

Крайняя нетерпимость к инакомыслию, а также всякого рода сомнениям и колебаниям, перерастающая в убеждение, что нормальный, полноценный человек просто не может видеть вещи в ином свете, чем тот, который открывается благодаря обладанию абсолютной истиной» [4].

В населении, получившем «культурную травму», психика у большинства пограничная. Но какая-то часть «переходит границу», из общества вырывается группа извергов, одержимых разрушительными мессианскими идеями. Никаких профилактических и реабилитационных программ пока не ведется, но главное, мы не изучаем уроки прошлого. Перед нами разворачивается драма мирового масштаба, а наши эксперты и профессора составляют рациональные объяснения исторического и экономического характера.

Вот пример. Александр Тихомиров родился в 1982 г. в Улан-Удэ, в 15 лет принял ислам и взял имя Саид Бурятский, стал боевиком-террористом и одним из идеологов северокавказского вооружённого подполья. С 2002 года он стал записывать лекции, которые широко распространялись среди исламской молодежи. Погиб в 2010 г., оставив огромное число идеологических материалов. Н.С. Седых изучала один из видеороликов С. Бурятского на YouTube под названием «Ответы на вопросы. Весна, часть 1». Число просмотров: 148 801. Саид Бурятский — талантливый самоучка, но лекции записывал на видео не для элиты и не в учебниках для школ и университетов. А где лекции и учебники о нем как явлении?

Московичи пишет: «Знали ли мы истинную секуляризацию? Все происходит так, как если бы, в самом деле, религии, унаследован-

ные по традиции, отступили или обрушились. Однако возникли новые, в новых формах, они вписались в рамки культуры и в коллективное пережитое. Говоря слегка парадоксально, именно современные науки о человеке выступили для них благодатной почвой: достаточно вспомнить о национализме и о марксизме. «Короткий двадцатый век, — пишет историк-марксист Гобсбаум, — был временем религиозных войн, даже если наиболее воинствующие и наиболее возалкавшие крови среди этих религий были светскими идеологиями, уже собравшими урожай в девятнадцатом столетии, такими, как социализм и национализм, имеющими в качестве богов либо отвлеченные понятия, либо политических деятелей, которым поклонялись как божествам. Вероятно, что те среди этих культов, что достигли предела, уже начали клониться к закату после конца холодной войны, включая политические разновидности культа личности, которые, как и вселенские церкви, сократились до разрозненных соперничающих сект» (The Age of the Extreme, p. 563).

Итак, необходимость признать власть верований и действие социальных страстей в социологии или в антропологии, а стало быть в экономике, сделала неизбежным обращение к психологическим объяснениям, которые осуждали и пытались исключить» [1].

Но российское обществоведение — социология и антропология, экономика и политология эти объяснения игнорируют. Даже из истории явные аналогии наших ситуаций игнорируются. Все эти необычные явления интерпретируются в стиле механистического исторического материализма — через социальные интересы, или как эхо проклятого прошлого (депортацией татар или репрессий бандеровцев, за которые якобы мстят их внуки). Но бесполезно подыскивать прототипы новых целей и поведения в истории или экономике, считать, что носители этой странной энергии уже имелись в виде личинок и куколок, и их только надо было «разбудить». Это *очень распространенное представление* глубоко ошибочно.

Юнг писал (11 мая 1945 года): «Германия всегда была страной психических катастроф: Реформация, крестьянские и религиозные войны. При национал-социализме давление демонов настолько возросло, что человеческие существа, подпав под их власть, превратились в сомнамбулических сверхчеловеков, первым среди которых был Гитлер, заразивший этим всех остальных. Все нацистские лидеры одержимы в буквальном смысле слова, и, несомненно, не случайно, что их министр пропаганды был отмечен меткой демонизированного человека — хромотой. Десять процентов немецкого населения сегодня безнадежные психопаты...

Есть известия, что всеобщее несчастье пробудило религиозную жизнь в Германии; целые общины преклоняют по вечерам колени, умоляя Господа спасти от антихриста» (см. [7]).

Юнг поставил Реформацию на первое место, но это и была системная катастрофа. Она потрясла и продолжает потрясать весь Запад. В мифологизированной истории англо-саксонской культуры замалчивалась та роль, которую сыграла в «протестантской науке» проблема *ведьм и демонов* — поскольку ученые принимали непосредственное участие в жестоких репрессиях. Ричард Бакстер («самый великий из пуритан») представлен Мертоном как выразитель духа новой науки. Но именно Бакстер в 1691 г. опубликовал книгу «Доказательство существования мира духов», в которой призывал к крестовому походу против «секты Сатаны». В Германии «настольным руководством в процессах о ведьмах» были труды «отца германских криминалистов» лейпцигского профессора Бенедикта Карпцов — он как судья лично подписал двадцать тысяч смертных приговоров [8].

Фанатичной иррациональностью отмечены установки сект (включая научные коллегии), которые перебрались в Америку. Реальность обстановки в пуританской Новой Англии самого конца XVII века описана историками в таких выражениях: «К середине 1692 г. процессы над “ведьмами” получили наибольший размах. Тюрьмы были переполнены, жизнь любого уважаемого гражданина зависела от тайного или открытого доносчика, “видевшего” призрак и сообщившего властям об этом. Ничто не могло стать гарантией социальной безопасности. Никто не смел вставать на защиту жертв — самовольных защитников немедленно обвиняли в пособничестве дьявольской силе... Для семнадцатого века — и отнюдь не только для 80–90-х годов — вера в существование ведьм в Новой Англии составляла часть не только религиозных верований, но даже и научных убеждений» [9].

Идеологами этих процессов был ректор Гарвардского университета Инкрис Мезер и виднейший американский ученый того времени, естествоиспытатель, философ и историк Коттон Мезер. Осенью 1692 г., по завершении сейлемских процессов, К. Мезер написал трактат «Чудеса незримого мира», где давал богословское обоснование казней: «Полчища бесов, к ужасу нашему, вселились в город, являющийся центром колонии и в известном смысле перенцем среди наших английских поселений» [9].

Как мы видим, очень часто такие инновации становятся бедствием целых народов. Вспомним, что Энгельс называл Реформацию «случившимся с нами национальным несчастьем». Хотя она

все же, ценой гибели массы людей, привела к возникновению совершенно нового и необычного общества — современного Запада. Э. Фромм так объясняет культурную катастрофу Реформации: «Человек, освободившийся от пут средневековой общинной жизни, страшился новой свободы, превратившей его в изолированный атом. Он нашел прибежище в новом идолопоклонстве крови и почве, к самым очевидным формам которого относятся национализм и расизм» [10].

Московичи пишет о людях со «сверхценными идеями мистического, иррационального содержания», совершавших Реформацию: «Вал непрерывных расколов выплеснулся в Реформацию, ставшую его органичным пунктом, сопровождавшимся возникновением протестантских сект. Невозможно выразить в нескольких строках то бурление людей и групп, которое преобразило Европу. Я напомню только один важнейший факт: все эти меньшинства претерпели презрение и изгнание, подверглись коллективной казни. За исключением Лютера, который убедил князей и немецкие массы, эта религия повсюду является делом изгнанников и беженцев, подобно Кальвину, если назвать лишь одно имя. Изгнанный из Франции, он отправляется в Женеву, где собирается множество людей, познавших ту же участь, что и он.

Приверженцы новой веры, выходцы из самых разных слоев общества были фитилем, готовым воспламениться для всякого рода бунтов и затей. В странах, которые их принимали, анабаптисты, гугеноты, квакеры рьяно распространяют учение, направленное против авторитета Государства, иерархии Церквей и унижения бедных.

Но они также пускаются в экономические начинания, уже обладая коммерческими и производственными навыками. Особенно в Англии и в Нидерландах, где кальвинисты особенно стимулируют взлет капитализма. Со всей справедливостью «кальвинистскую диаспору» можно было определить как «питомник капиталистической экономики» [1].

Катастрофическое изменение системы — это взрыв, подобный космическому, который порождает во Вселенной новую материю и энергию, а из общества в этой взрывной фазе он «выбрасывает» необычных людей с измененным сознанием, которые мгновенно объединяются в сообщество нового типа. Люди, «порожденные» катастрофой, действительно необычны и своими идеями разрушают прежний порядок и часто гибнут. Из истории Московичи вывел: «Римляне завещали нам выражение “враги рода человеческого” для обозначения этих людей, того, что вынуждает всех других

с ними бороться. Нужно уловить глубокий смысл этой формулы для того, чтобы почувствовать, что она излучает страх и жестокость».

Московичи писал о важной идее Макса Вебера, которая, видимо, не была вполне разработана. Он обдумывал процесс возникновения нового общества как *формирующейся* системы. По словам Московичи, «этнологи и историки заметили, что именно тогда появляется очень плотная и напряженная сфера отношений, которую Вебер называет *in statu nascendi* (т.е. в состоянии возникновения). Здесь возникает нечто “совершенно другое”, несоизмеримое по своей природе с тем, что существовало раньше; нечто, перед которым люди отступают, охваченные страхом» [1].

Эти инновации (Вебер называет их характер «харизматическим»), имеют не *историческую* природу — они «не осуществляются обычными общественными и историческими путями и отличаются от вспышек и изменений, которые имеют место в устоявшемся обществе». Московичи проводит такую аналогию: «Харизма подобна своего рода высокой энергии, *materia prima*, которая высвобождается в кризисные и напряженные моменты, ломая привычки, стряхивая инерцию и производя на свет чрезвычайное новшество».

Более того, Вебер считает, что такие вспышки и изменения в обществе мотивируются не экономическими интересами, а ценностями: «Харизма — это “власть *антиэкономического типа*”, отказывающаяся от всякого компромисса с повседневной необходимостью и ее выгодами... Харизма обнаруживает эмоциональную нагруженность, напор страстей, достаточный для того, чтобы выйти из непосредственной реальности и вести иное существование».

Московичи привел аналогию. Атомы некоего элемента бомбардируют частицами в ускорителе. При ударе ядро атома-мишени выбрасывает элементарные частицы (нейтроны и др.). Мы считаем, что в ядре сосуществуют эти частицы — протоны, нейтроны и др. — и какие-то из них вышибаются из ядра. Но в действительности ядро при ударе *порождает* ту или иную частицу.

Надо вспомнить, что и в нашей Гражданской войне возникли общности извергов. Пример — самое мощное рабочее восстание против советской власти летом 1918 г. в Ижевске под руководством эсеров [11]. Целью программы эсеров и меньшевиков были «образцовый рабочий социализм» и «образцовая демократическая республика». На Ижевском и Воткинском оружейных заводах было занято 33 тыс. рабочих. Эти рабочие казенных заводов были благополучным традиционным обществом. Кадровые рабочие имели высокую квалификацию, были религиозны и законопослуш-

ны. По достижении 56 лет рабочий получал пожизненную государственную пенсию. Было развито социальное страхование, рабочие получали больничные выплаты до половины оклада. На заводе была бесплатная медицинская помощь, как для самих рабочих, так и для их семей. Они были стабильно обеспечены государственными заказами, большинство рабочих вели полукрестьянский образ жизни, имели хозяйство и получали приработок «от земли».

Февральская революция сломала уклад жизни, производство упало. В Ижевск была передислоцирована часть с фронта под руководством эсерами. Большевики и правые эсеры 6 мая 1917 г. постановили Красную гвардию на Ижевском заводе не создавать, а вместо нее — милицию. А большевики осенью 1917 г. собрали один из наиболее мощных и боевых отрядов Красной гвардии на Урале. Она устанавливала власть Советов в Ижевске и в других заводских поселках Прикамья.

Большое число оружейников мобилизовали в армию и вместо них прислали рабочих из разных мест. Когда армия развалилась, ижевские рабочие вернулись домой, а их рабочие места уже были заняты, к тому же заказы прекратились. Нарастало недовольство царским, потом Временным правительством, а пик кризиса пришел в 1918 г. — рабочих-полукрестьян обложили продразверсткой.

Так весной—летом 1918 г. сложились два политических блока: меньшевики и эсеры — правые, большевики и эсеры-максималисты — левые. Престиж большевиков упал из-за безработицы, послевоенной разрухи, дороговизны и начавшейся гражданской войны. С максималистами возник конфликт, число большевиков сократилось с 1700 до 250. Начался чехословацкий мятеж, ижевских коммунистов, максималистов и гарнизон Красной армии отправили на фронт. Добровольный набор в Красную армию заменили мобилизацией. Это было последней каплей [12].

В городе оставалось лишь несколько десятков красноармейцев и милиционеров. Сразу, 7 августа, началось подготовленное эсерами восстание под лозунгом «Власть Советам без большевиков!» 8 августа 1918 г. власть в городе перешла повстанцам. 17 августа ижевцы заняли Воткинск, где их тоже поддержали местные рабочие. Сразу началась кровавая расправа со сторонниками советской власти, а потом часть повстанцев начала *бессмысленные массовые убийства*.

Вот описание из множества эпизодов: «Среди полениц дров выкапывали глубокие ямы. Через каждую яму перекидывали доску. На доску вставал узник, а по краям ямы стояли палачи и кололи штыками свою жертву до тех пор, пока он замертво не сваливался

в яму на трупы заколотых раньше его. За убитым на доску становился следующий» [13]. Наверное, еще в 1916 г. никто бы не мог представить себе такой фанатизм. Репрессивные меры распространились на все более широкие слои населения Ижевска, всего Прикамья. Даже сами повстанческие авторы признают колоссальный размах осуществляемых ими репрессий.

При этом новые власти сохранили Совет рабочих депутатов и ставки оплаты труда, существовавшие при большевиках. Не были тронуты и декреты Советской власти, касавшиеся условий работы, решения рабочего вопроса и социальных гарантий. Повстанческое руководство следовало уравнилельных тенденций, характерных для всей русской революции 1917 года. Так, командные чины, солдаты и рабочие получали равное денежное довольствие.

Решающее сражение с Красной армией произошло 7 ноября (кстати, именно в этом бою впервые большевикам пришлось столкнуться с применением психической атаки, показанной в кинофильме «Чапаев»). После разгрома восстания ижевские и воткинские части (около 25 тыс.) вошли в состав армии Колчака.

Повстанцы ижевских заводов были самыми отважными отрядами Колчака. Военный министр Колчака А.П. Будберг писал: «Приехавшие из отрядов дегенераты похваляются, что во время карательных экспедиций они отдавали большевиков на расправу китайцам, предварительно перерезав пленным сухожилия под коленями (“чтобы не убежали”); хвастаются также, что закапывали большевиков живыми, с утилом дна ямы внутренностями, выпущенными из закапываемых (“чтобы мягче было лежать”))» [11].

Ижевско-Воткинская дивизия в декабре 1919 г. была разгромлена 51-й Уральской дивизией Красной армии.

Надо помнить состояние людей, представляя себе революцию. Речь шла о квалифицированных рабочих, приверженных идеалам справедливости (стихийные социалисты), религиозных христиан. Эти люди были одержимы идеей абсолютного равенства и социалистической революции, ими руководили социалисты — эсеры и меньшевики. Предпосылками объяснить их сдвиг нельзя.

Точно так же, удары, разрушившие ядро советского строя, вовсе не освободили из него необычных людей типа убийц, террористов или «бандеровцев», которые, как некоторые считают, были «генетически» предрасположены к таким ролям. Их «выбросил» взрыв общества, эта их инновация имеет «неисторическую природу». Из истории эти частицы и осколки лишь подбирают культурные атрибуты и грим (исламистов, неонацистов, троцкистов и пр.).

На мой взгляд, понятия и аналогии Вебера и Московичи гораздо адекватнее тех представлений, которые обычно употребляются у нас для объяснений явлений типа краха СССР и того, что мы наблюдаем сегодня на Украине.

Что касается Украины, то, похоже, взрыв Майдана осени 2013 года привел к выбросу нескольких сгустков «необычной материи» (захватив и Россию), приведя их к столкновению. Историческая задача — «институционализировать харизму», ввести энергию взрывов в рациональные рамки, но рамки созидания или приемлемой оппозиции, а не убийств и мародерства. Об этой фазе как раз много рассуждал Вебер и, кстати, огромный опыт «обуздания взрыва» был накоплен в русской революции 1917 года. Иррациональной утопической идеей была как раз попытка установить в России государство по типу западного. Начав гражданскую войну под патронажем интервенции Запада и Японии, либералы и эсеры выполняли примерно такую же миссию, как группировка ИГИЛ в Сирии. Возможно, опыт той гражданской войны помог в России дезактивировать взрывную энергию 1993 года.

Но здесь я выскажу такое предположение: в среде гуманитарной интеллигенции в ходе перестройки и потом сформировалась общность, из которой мало кто уезжает в ИГИЛ или в «Правый сектор», но которую можно назвать «авторами доктрин иррационального содержания». Это те, у кого «сверхценной идеей мистического, содержания» стала ненависть к СССР и России. Похожее изменение произошло в 40-е годы с молодыми троцкистами, которые, получив культурную травму холокоста и катастрофы, приведшей к власти фашизма, эмигрировали из Германии в США. Они собрались в сообщество «неоконсерваторов» и из радикальных коммунистов превратились в иррациональных антикоммунистов.

В 70-е годы в нашей среде эрудитов возникла необъяснимая ненависть к СССР. Их жалели, в них не видели угроз. После 1985 г. они как будто разбудили какой-то вирус и устроили эпидемию. Они оставили массу текстов, особенно в художественной литературе и в обществоведении. Их ненависть доходила до очевидной глупости. Но они теперь стали практиками с ресурсами, и их надо изучать как социальный и культурный феномен, несущий уже активную угрозу, а также изучать историю аналогичных явлений. В разных культурах искали и находили способы успокоить кипящий разум таких людей.

Литература

1. Московичи С. Машина, творящая богов. / Пер. с фр. — М.: «Центр психологии и психотерапии», 1998.
2. Александровский Ю.А. Социальные катаклизмы и психическое здоровье // СОЦИС. 2010. № 4.
3. Карл Густав Юнг о современных мифах: Сб. тр. / Под ред.: М.О. Оганесяна, Д.Г. Лахути. М.: Практика, 1994.
4. Седых Н.С. Информационно-психологические способы вовлечения молодёжи в терроризм // Вопросы безопасности. 2014, № 3 / http://e-notabene.ru/nb/contents_2014_3.html.
5. Штомпка П. Социальное изменение как травма // СОЦИС. 2001, № 1.
6. Кара-Мурза С. Аномия в России: причины и проявления. М.: Научный эксперт. 2013.
7. Юнг К.Г. Послевоенные психические проблемы Германии // Weltwoche, Zurich, 11.5.1945. — <http://gestaltterapija.lv/karl-gustav-yung-poslevoennye-psichicheskie-problemy-germanii/>.
8. Канторович Я. Средневековые процессы о ведьмах. М.: Книга. 1990. С. 17–18.
9. Покровский Н.Е. Ранняя американская философия. М.: Высшая школа. 1989. С. 165–166.
10. Фромм Э. Пути из больного общества // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс. 1988. С. 474.
11. Чураков Д. Роль правых социалистов в становлении системы белого террора // Альтернативы. 2004, № 4.
12. Бакулин В.И. Драма в двух актах: Вятская губерния в 1917–1918 гг. Киров, 2008.
13. Чураков Д.О «Третья сила» у власти: Ижевск, 1918 год // Вопросы истории. 2003. № 5.